

Игорь Шестков "На Арбате"

Девять месяцев я работал сторожем в типографии недалеко от Старого Арбата. Несмотря на «перестройку» типография печатала исключительно творения Ленина на различных экзотических языках. Всю эту никому не нужную, но ядовитую продукцию, издавали миллионными тиражами и отправляли в страны, где многие граждане ходили без штанов. Неужели коммуняки действительно верили, что в Новой Гвинее, в Танзании или на Фиджи кто-то будет все это читать? «Как нам реорганизовать Рабкрин?» на суахили – это круто.

Все за малым исключением рабочие типографии (исключением были татары) пили по-черному. Вечерняя смена уходила за полночь домой смертельно пьяная. Только в мое время двое рабочих погибли из-за пьянства. Один крепко выпивший парень вместо того, чтобы идти в метро, прилег отдохнуть на покрытом снегом газоне соседнего бульвара. Ночью милиция нашла его окоченелый труп. Позже я видел его жену – она приходила забрать вещи мужа. Она не была опечалена тем, что муж оставил ее и двух детей. Скорее наоборот – была рада. В ее жизни появился хоть какой-то просвет. Другой пьяный рабочий упал и поранился в страшном черном подвале, где в свинцовой пыли валялись тысячи связок типографских матриц. Его слабые крики не были услышаны из-за шума от типографских машин. На его несчастье никто не зашел в подвал.

Случались и драки между выпившими – с смертоубийством, но не в мое время. Было и воровство – в тех редких случаях, когда типография печатала что-то по-русски. Старожилы утверждали, что обычно расхищалась десятая часть русскоязычного тиража. За полгода до моего поступления на работу несколько сторожей, сговорившись с водителем грузовика, украли четыре контейнера «Приключений Тома Сойера». Водитель увез книги, сгрузил в условленном месте где-то под Москвой. Уехал, получив какой-то гонорар. На следующий день сторожа поняли – в типографии скандал. Оказывается они, в спешке не разобравшись, что к чему, украли весь тираж книги, все десять тысяч экземпляров. Книги так и не нашли, хотя было ясно, кто вор. Тираж просто напечатали и переплели еще раз. А сторожей уволили.

Однажды в теплый летний день я пошел побродить по Арбату, поглядеть на

картинки художников, матрешки и прочие свидетельства наступившей свободы творчества. Вышел на Арбат. Осмотрелся. Что-то было не так – многие продавцы поспешно паковали свой товар, хотя время было самое торговое – воскресный полдень. Некоторые художники делали тоже самое. Другие – ничего не делали, просто стояли, глазели по сторонам. И публика вела себя также странно – кое-кто явно старался побыстрее покинуть матрешечную улицу, остальные – разгуливали как ни в чем не бывало, рассматривали картины, слушали пение самодеятельных бардов. Потом я понял, что те, которые убежали, знали, какая опасность надвигается на Арбат со стороны Садового кольца, а остальные – не знали и не чуяли беды.

В СССР что ни день – то какой-нибудь праздник. Кого-то всегда чествовали. Как я потом узнал, в тот день страна праздновала «День воздушно-десантных войск». В Москву отовсюду съехались бывшие ветераны-десантники, большинство которых прошли только недавно законченную Афганскую войну. Около сорока тысяч человек собралось вместе, чтобы с товарищами попраздновать, то есть, в советском варианте, – напиться и похулиганить, пользуясь правом сильного. Многие «афганцы», особенно калеки, чувствовали себя несправедливо обиженными. Когда их посылали убивать или быть убитыми, никто их не спрашивал, хотят ли они этого. А теперь, в перестройку, афганскую войну критиковали в печати, искали ответственных, солдат иногда называли убийцами. Широко обсуждался случай, когда военрук-афганец устроил в своей школе кровавую баню. Осуществил на практике тайную мечту любого учителя, устроил в школе охоту на собственных учеников. Вооружен он был боевым, нелегально привезенным из Афганистана оружием. Охота продолжалась несколько часов и стоила жизни одиннадцати школьников. Психиатры утверждали позже, что афганец всего лишь повторил дома то, что часто делал во время службы в Афганистане.

Не знаю, что делали эти сорок тысяч бывших воинов до их появления на улице художников, но хорошо помню, что было на Арбате.

С той стороны улицы, которая выходит на Садовое кольцо, слышались истошные крики. Все, естественно, начали туда смотреть. Казалось, что там прыгают какие-то пестрые мячики – вправо-влево, вверх-вниз... Когда до

публики наконец дошло, что это прыгает – все побежали с Арбата в сторону Бульварного кольца. Я вошел в один из подъездов ближайшего дома, поднялся на третий этаж и занял позицию у окна на лестничной клетке. Кроме меня там было несколько девушек-продавиц, бородатый сорокалетний художник с рюкзаком, полным картин, и молодой парень, торговец матрешками, трясущийся за свое, оставленное на произвол судьбы, хозяйство. Через несколько долго длящихся секунд подошли наступающие десантники. Из окошка было прекрасно видно как они громили Арбат. Картины драли на части и бросали, чтобы потом затоптать их ногами. Матрешки и прочую скромную свободную продукцию парни били ногами, как футболисты мяч. Ногами били не успевших убежать художников, продавцов и прохожих. Умело били не сопротивляющихся людей, били лежащих, корчащихся от боли. Передовой бойцовый отряд быстро прошел, за ним следовала огромная толпа пьяных парней в тельняшках. Они жестикулировали, приплясывали, обнимались. Эти тоже били людей, но реже и избирательно. Помнится, один голый до пояса амбал, заорал, указывая пальцем на лежащего бородатого художника: «Жид!» И сейчас же к нему подскочили другие парни в тельняшках, схватили художника за-руки-за-ноги и бросили его как тушу в стеклянную витрину книжного магазина. Стекло разбилось и он упал вместе с осколками внутрь. Толпа защитников родины восторженно заревела: «Ура!! Мочиини!!»

Нет, его не убили. Он даже потом сам встал, весь в крови от порезов. Позже его увезла скорая. Он явно не был евреем, просто был лысый и носил шикарную бороду.

Афганцы бесчинствовали на Арбате минут двадцать, потом исчезли, оставив после себя разорение и ужас. Кажется, убит все-таки никто не был, но были раненные. Больше всего пострадали абстрактные картины и уж совсем ни в чем не повинные и вполне националистически настроенные матрешки.

От Арбата афганцы двинулась по Калининскому проспекту к библиотеке им. Ленина, а оттуда – к Манежу. Хотели идти на Кремль. Но тут их ждала засада. Милиции удалось зажать погромщиков в узком проезде между Старым университетом и Манежем. Там их разделили на части и избивали спецназовцы. Арестовали. Развезли по участкам. Отрезвили. А на следующий день отправили

по одному – по домам. И не судили никого. Потому что милиция и власти тайно им сочувствовали.